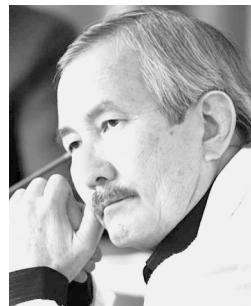

Смагыл Елцубай

ПОДАРОК ДЛЯ ВНУКА

Крупного телосложения, сутулый, смуглолицый, высокий старик Шонай был одет в длинный чапан, подпоясанный платком, как принято у почтенных старцев не только в его родном, но и в окрестных аулах. Сейчас Шонай ехал в поезде и без конца поглядывал в окно. Он явно терял терпение. А когда состав проехал станцию Отар, оно его и вовсе оставило. Глаз не спускал с мелькающей за окном местности, нервно поглаживая аккуратно подбритую белую бороду. Вытягивал из ворота чапана худую жилистую шею, беспокожно ожидая, что вот-вот появятся предместья Алматы. Нехитрые пожитки в корзин* уже были сложены. Всё готово.

А вот его юная спутница, Айымжан, всё еще лежала на верхней полке купе и под стук укачивающих сознание колес продолжала читать какую-то, видимо, очень интересную книжку. Это была дочь его земляка аксакала Улмана, очень благовоспитанная девушка, учившаяся теперь в Алматы. Всю дорогу она угощала Шоная чаем и вообще была к нему весьма почтительна и внимательна. Как и положено в традициях рода. Славную дочь вырастил Улман!

Сам Шонай родился на плато Устюрт, но вырос и возмужал в Шоманайском и Конаратском районах Каракалпакии. А ехал он оттуда в Алматы к своему сыну, которым можно было гордиться: выбился в люди. Но, честно говоря, соскучился Шонай не столько по нему, сколько по семилетнему внуку Едиге. Вот уж настоящий постреленок! Кажется, что и сейчас он бежит рядом с поездом и машет деду рукой. Вспоминая его милые сердцу проказы, Шонай невольно прослезился. В конце лета, когда он собрался ехать в родной аул, Едиге то и дело стал донимать его: «Ата, возьми!» и что-то засовывал ему в боковой карман, при этом надувал щеки и капризно выпячивал губки.

– Что это, пострел?

– Это мешочек! Привези мне из аула альчики!

Шонай просьбу внука не забыл. И все шесть месяцев разлуки, гостя у родственников и близких друзей в Конарате, Ходжейли, Шоманае, Нукусе, каждый раз аккуратно складывал альчики в подаренный мешочек. И тот ближе к лету наполнился доверху. А сейчас он лежал на самом дне корзинки и дожидался внука. Шонай представил себе, как он передаст мешочек с альчиками Едиге, и тот будет буквально на седьмом небе от радости. Ради этого стоит жить. Но почему поезд

* Переметная сума, обычно вытканная и с двумя отделениями.

так долго и томительно тянется? Ничего, конец пути скоро. Недолго осталось. И вновь нахлынули воспоминания...

С тех пор как Шонай переехал жить в Алматы к своему единственному сыну Токтасыну, прошло не так уж много времени. А почему это произошло? Два года назад его старуха умерла от рака пищевода, и он остался совсем один-одинешенек в опустевшем четырехкомнатном доме в Коньрате. Для старика настала нелегкая пора. Как говорят в народе: «Разве хотел я дожить до девяноста пяти чтобы есть быламык*?»

Но не успели пройти сороковины старухи, как сын со снохой устроили настоящий скандал по поводу того, чтобы увезти его с собой в несусветную даль – в Алматы... А как поется в песне: «край неведомый станет ли сердцу мил!» Разве мог он себе представить, что под конец жизни переедет в чужой и незнакомый город? Нет, не мог. Уперся изо всех сил, только повторял про себя, как заклинание: «Эх, Шонай, где же ты будешь скитаться на старости лет, как бросишь родные места, земляков, близких, на кого оставишь скот и добро, нажитое по крупицам с покойной Рауиш, куда денешь добротный дом?» Как только его ни агитировали, ни уговаривали. Оставался непреклонным, как скала. И лишь когда сын со снохой стали уводить из аула маленького Едиге, старик не выдержал. На глаза навернулись крупные слезы, он не мог сдержаться и только в эту минуту понял, что дом его опустел окончательно.

Ведь внука-сорванца они со старухой растили сызмальства. Казалось, от сердца оторвали и уносили вдаль самое дорогое. Мокрой стала его седая борода от слез. Три дня он не вставал с постели, обняв опостылевшую подушку. Уже и слез не было, одна горечь в сердце.

Нет, не зря говорят: «Родные края – золотая колыбель». Спасибо друзьям-сородичам, соседям по аулу, которые постоянно навещали его, ухаживали, присматривали. Кто чаем напоит, кто печку натопит, кто подметет-приберет в доме. А если где по соседству готовят угощение, то первым делом несут Шонаю или самого в гости зовут. Эх, что ни говори, а ничего нет лучше, когда в твоём доме или вокруг тебя кипит-бурлит жизнь. Тогда и самому жить хочется...

Рауиш ушла из жизни в шестьдесят три года. С тех пор он постоянно думал о ней, да еще о Едиге, которого они берегли как зеницу ока. Шонай переживал так сильно, что совсем пал духом.

Друзья-соседи, его ровесники, твердили ему:

– Хватит горевать, надо тебе жениться на какой-нибудь старухе, будет, по крайней мере, кому воду согреть и напоить чаем. Как ни печалься, Рауиш уже не вернешь... А живые должны продолжать жить...

Он понимал, соглашался с ними, но едва снова оставался один, то вновь и вновь вспоминал покойную Рауиш. Ведь Шонай никогда и в мыслях не допускал, что переживет супругу и на старости лет останется один-одинешенек. Кто мог подумать, что Рауиш, на плечах которой держался весь дом с тех пор, как они поженились, так рано уйдет с этого света? А что делать? С судьбой не поспоришь.

Так продолжалось, пока его не поразил недуг. Всё чаще стало подскакивать давление. Однажды даже потерял сознание, когда встал с постели в своем холодном доме. И вот тогда только осознал, насколько же ему тяжело жить в одиночестве.

* Болтушка, вид жидкой похлебки из дробленого зерна или муки.

А осознав, ужаснулся. А кто будет присматривать за коровой с телятком, за конем и десятком овец? Они ведь ждут ухода и корма. Да и зима не за горами.

Соседи отправили телеграмму сыну. Тот, приехав из Алматы, почти силой заставил отца продать по дешевке дом, оптом всё имущество и скотину. И хотя Шоной вначале заупрямился, но времени размышлять не было. Хорошо еще, что хоть покупатели нашлись. Те же соседи и близкие.

А потом старик, не успев и глазом моргнуть, оказался в Алматы, у сына. В самом городе он прежде никогда не бывал, не доводилось. Квартира Токтасына находилась на пятом этаже. Спускаться и подниматься Шоною было в тягость. Но делать нечего – привык.

Единственное утешение и радость – Едиге. С утра до вечера он разговаривал с ним. Душа оттаивала. Без устали рассказывал внуку сказки, а тому только того и надо, не уставал слушать. Весь день сын и сноха на работе, вся семья собиралась лишь к вечеру. По правде говоря, такая жизнь казалась Шоною чуть лучше добровольного заточения в тюрьме. Вскоре всё наскучило, и он прямо изнывал от тоски. С трудом выдержал, пока прошла зима и дождливая весна, а с наступлением погожих деньков, когда земля наконец высохла от влаги, он, несмотря ни на что, отправился в родной аул. Случилось это в середине мая.

Вот уж радости-то было! А земляки встретили Шоная с таким шумным восторгом, словно он возвратился из ссылки. Друзья-ровесники крепко обнимали, старухи аж прослезились. И все наперебой приглашали его к себе в гости, потчевали, угощали. Так продолжалось всё лето, Шоной даже устал от этого, не смог как следует отдохнуть. Иной раз и одиночество требуется.

И вот теперь – возвращается в Алматы... Поезд уже подъезжал к окраинам города. Вечерело. А нетерпение достигло высшей точки.

– Ну наконец-то! Неужели добрались, доченька? – то и дело спрашивал он у своей спутницы.

Айымжан только деликатно смеялась в ответ, смущенно опустив долу свои прекрасные, блестящие от радости глаза. Да, Бог не обделил эту девушку красотой, щедро наградил ее своими дарами. Во время их пути немало джигитов крутилось-вертелось вокруг нее, заигрывали, шутили, пытаясь понравиться. Однако никого из них она не удостоила своей чудесной улыбки. Никто не добился ее благосклонного взгляда.

Шоной в глубине души был доволен своим земляком Улманом, воспитавшим такую правильную дочь.

На вокзале они сели в такси и поехали по назначению. Перед тем старик подал шоферу клочок бумажки.

– Что это, аксакал?

– Адрес, – пояснил Шоной.

Пока старик гостил в своих родных краях, из Алматы пришла телеграмма. Дело в том, что сын и сноха еще раньше говорили ему, что хотели бы совершить квартирный обмен, переехать в какой-нибудь тихий, «спальный» район города. Вот Токтасын и написал: «Коке*, мы переехали», – и дал в телеграмме новый адрес. Она и перекочевала в руки таксисту. Поехали!

Шоной весь сиял, чувствовал себя превосходно. Стоило ему завидеть на улице какую-нибудь стайку мальчишек, как он вытягивал шею, провожал их взглядом,

* Отец.

словно пытался углядеть среди них любимого сорванца Едиге. Нынче он должен был пойти в школу. Всё думал: «Про альчики ты вряд ли забыл, даже если теперь на уме одни уроки».

– Доченька, а почему бы тебе перед общежитием не заехать к нам? – любезно предложил он своей спутнице. – Чайку с дороги попьем. Ты заслужила это. Такая славная девушка!

– Рахмет, ата, уже темнеет, поздно, – смущенно запротестовала Айымжан.

Или же стесняется, что учится у Токтасына, он ее преподаватель. Да и сын хорош! В позапрошлом году долго мучил девушку, не поставил ей на экзамене оценку. Нет чтобы поддержать землячку, начал придирааться, а на вопросы отца ответил: «Пусть учится как следует. Поблажек не будет». Ох, и как же возмутился тогда Шонай, услышав о таком безобразии, в сердцах сказал сыну: «Да она ведь учится заочно, всего-то раз в год приезжает в Алматы, к тому же девушка, откуда у нее взяться знаниям?»

А сообщил об этом старик Улман из соседнего аула. Вот Шонай и позвонил сыну в Алматы, крепко обругав его. Можно сказать, даже наорал, поскольку тот как бы забыл о своих корнях и традициях края.

Потребовал:

– Поставь ей нужную оценку! Ее отец хоть и не родня нам, но всё же не чужой человек. Земляк.

А девушка, выходит, эту его доброту не забыла: три долгих дня в пути ухаживала за ним. И Шонай подумал: «Ой, милая моя, будь же ты счастлива!» Сбавив скорость, шофер остановил машину возле одного из высоких домов, выстроившихся в ряд на западной стороне города.

– Приехали! – сказал водитель.

– Ну что, голубушка, надумала зайти в гости? Мы уже дома, негоже тебе теперь отказываться! – старик вновь обратился к девушке с настойчивой просьбой, чуть ли не умоляя ее.

– Нет, ата! Можно я лучше на этой машине до своего общежития доеду? – отказалась Айымжан, а ее тонкие красивые бровки слегка нахмурились. – Рахмет!

В чем дело? Может быть, это из-за Токтасына, всё еще обиду держит на него? Жаль, жаль, такая хорошая спутница, целых три дня кряду делили вместе хлеб-соль, имела полное право зайти в гости... А вот не зашла всё же. Ну, Бог судья. А нам пора дальше двигаться.

Старик поглядел вслед отъезжающей машине, помахал на прощанье рукой. Потянулся, разминая старые кости. Чутьочку передохнул, осматриваясь в чужом, залитом сумерками дворе. Возле подъезда на лавочке сидели рядышком такие же, как он, старики и старухи. Вокруг бегали и галдели ребятишки. Все они были Шоною незнакомы. А как хотелось увидеть среди них Едиге! Пристально всматривался, но сорванца не было. «Ай да щенок! Где же ты носишься?» Взвалив на плечи свой корзин, он приблизился к сидящим на лавочке обитателям дома. Были среди них и русские, и татары, и казахи.

– Шонаев здесь живет?

– А какая квартира?

– Сорок семь.

– Вон там, на третьем этаже.

Старик, сутулясь под ношей, стал медленно подниматься по лестнице. Прежний-то дом был кирпичный, а этот, кажется, каменный. Тяжело было. Наконец добрал до нужной квартиры. Оттуда до него похоже доносился чей-то тоненький детский голосок. Уж не Едиге ли? Сердце в груди забилось сильнее, словно внучек уже выскочил из-за двери и повис у него на шее. Шонай постучал, но дверь оказалась открытой.

Переступив порог, старик с гулким стуком бросил свой корзин на бетонный пол и прокричал:

– Едиге-е!

– Кто это? – раздался из гостиной голос Токтасына.

– Я это, я!

– О, коке!

В коридоре показался Токтасын, в халате и с растрепанными волосами.

– Ну!.. А где же Едиге?

Шонай стал рыться в корзине, намереваясь первым делом вытащить на свет Божий мешочек, набитый асыками. Токтасын молчал.

– С новосельем, сынок. А тут потолки повыше будут. А где сноха? Где внучек? – повторил вопрос отец.

– Нету дома... Проходи в комнату!

– Да где же они?

– Сейчас... Едиге с матерью.

Сын как-то осекся, в растерянности почесывая затылок, словно скрывал в душе какую-то тайну. Да так оно, по сути, и было. Но Шонай еще ничего не понимал. Или не хотел понимать, верить в дурные предчувствия. Однако радостное возбуждение погасло разом. Его словно ушатом холодной воды окатило. Скуластое серое лицо, изрезанное сетью морщин, стало угрюмым. Он внимательно присмотрелся к гостиной. А других комнат-то и не было. «Однушка», что ли? Сердце Шоная тревожно заныло. Ясно: тут приключилась какая-то беда...

Старик зажал в кулак свою седую округлую бородку и задумался. Посмотрел на сына. Токтасын был таким же темнолицым и долговязым, как он, но более тщедушным. Он подхватил корзин отца и направился на кухню. А Шонай, охваченный внезапной дрожью во всем теле, снял калоши и прошел до середины насквозь прокуренной комнаты. А потом застыл на месте как вкопанный. Глаза раскрылись еще шире, наполнились неподдельным ужасом. Что это за квартира такая бедняцкая? Только одна кровать и стол, а больше ничего такого из мебели, за что мог бы зацепиться взгляд. На этажерке возле стены всего лишь несколько книг. А из кухни стало доноситься громыхание чайника.

Старик, даже не присев на колченогий стул, направился туда.

Грозно спросил:

– Эй, ты, собачье отродье, враги, что ли, напали на этот дом? А ну, не юли, выкладывай всё как есть!

Токтасын рассеянно провел рукой по своим растрепанным кудрям, повернулся к отцу, сверкнув глазами. Затем не спеша закурил сигарету, выпустил дым, скукожился на стуле. А отец ждал ответа.

И услышал:

– Коке! Сам же видишь, чего спрашивать?

– Что я вижу? Вижу, что тут что-то неладно, собачье отродье!

– Не ругайся, мне и так плохо.

– Говори начистоту, где сноха, где мальчонка? – не выдержав, заорал отец.

– Да потише ты, отец, соседей перепугаешь! – огрызнулся, насупившись, сын. – Короче говоря... развелись мы с ней...

– Как это «развелись»?

– Эх, коке, долгая эта история...

– Где Едиге? Трижды собачье отродье! Почему вы тогда просто развелись, а не перестреляли друг друга? Где мальчонка?

Глаза Шоная угрожающе заблестели, а он сам, сжав кулаки, приблизился к сыну. Тот поспешно отозвался:

– Оставила у себя... От матери ребенка не отрывают до совершеннолетия.

Таков закон.

– Вот тебе закон! – крикнул Шоной и гневно ударил Токтасына прямо в ухо.

Сын забегал кругами по комнате, уклоняясь от преследующего его отца. А Шоной норовил вlepить ему еще и еще, но промахивался, при этом возбужденно кричал:

– Свинья! И это всё ты мне устроил на старости лет? Собака!

Наконец он остановился, задыхаясь от одышки. Сняв свой старый, выдавший виды калпак* и розовый шелковый чапан, старик повесил их на спинку кровати. Сын замер у окна.

– Вот что, – немного успокаиваясь, начал Шоной, – найди Едиге. А иначе буду с тобой разговаривать по-другому.

И присел на краешек кровати. Токтасын нервно закурил новую сигарету. Ответил:

– Коке, к чему искать, время тратить, она всё равно к нему близко не подпустит.

Пришлось Шоною вновь грозно гаркнуть:

– Ты, собачье отродье, засунь себе этот закон... сам знаешь куда! Мой тебе сказ: найди Едиге! Других слов не будет.

– Да она поклялась, что даже следов Едиге мне не покажет! Чертова баба!

– А мне? Мне тоже не покажет?

– Нет.

Шоной задумался.

– Вот, значит, как... Что за душа у этой богоотступницы? Нет, не верю. Брось. Если она рассердилась на тебя, так какое ей дело до меня и Едиге?! Отведи меня к ним!

– Нельзя, коке. Хуже будет. Только тебя еще ни за что ни про что обидит. Нет, не уважит.

– Эх, собачье отродье... – в сердцах повторял Шоной, словно других слов на ум не приходило. – Эх! Лишил любимого внука, а что теперь мне прикажешь делать? Сидеть тут и обнимать свои голые колени?*** А может быть, Едиге в это самое время, как бывало, ждет меня с нетерпением и спрашивает мать: «Когда же придет дедушка?» Эх! Разлучили меня с Едиге! Лучше бы перестреляли друг друга...

Проглотив последнее слово, старик вытащил из кармана платок и вытер заслезившиеся глаза. Токтасын жадно затянулся сигаретой.

* Сшитый из белого войлока или сукна старинный мужской головной убор.

*** Так говорят о человеке, который остался без самых близких и дорогих сердцу людей.

– В ладу и согласии ведь жили, что же за беда такая с вами стряслась? Почему взяли и собственными руками свое семейное гнездышко разорили? А?

– Коке, долгий про то сказ.

– До чего же я был глуп, что переехал к тебе жить. Думал, ты человеком стал! Глупа и вся родня наша: поверила, что ты опорой мне будешь... А вышло всё наоборот...

Старик замолчал и тяжело вздохнул. Силы оставляли его. Он почувствовал себя совсем скверно. Больше не сказал ни слова, накрылся своим чапаном и, отвернувшись к стене, закрыл глаза. Даже к чаю не притронулся, который заварил сын.

А ночью у него подскочило давление, начался сильный жар, и Токтасын вызвал скорую помощь. Врач сделал старику укол, ему немного полегчало, и он успокоился. Уснул. Но сон был тревожным.

А очнулся Шонай около девяти-десяти утра. Его разбудил какой-то посторонний звук. Когда открыл глаза, комнату заливал яркий свет. Похоже, Токтасын уже давно встал и ушел на работу. Постель его была заправлена.

– Ку-кук! – послышался из коридора женский, высокий голос.

«Это еще что такое?» – испуганно подумал старик.

– Ку-кук! – раздалось вновь. А обладательницы голоса видно не было.

– Кто это? – жестко спросил Шонай.

В дверях возникла стройная незнакомая девушка в брючках. На плече – сумочка. Челка спадала на лоб, сама была симпатичной и ладно скроенной. Но смотрела на старика широко распахнутыми от удивления глазами, даже рот приоткрыла.

– Здравствуй, доченька, проходи! – вежливо сказал Шонай, накинув на плечи чапан.

– Здравствуйте! – заикаясь от неожиданности, отозвалась девушка, даже слегка покраснев. – А где... Токтасын дома? Или его нет?

– Наверное, на работе.

– Тогда... извините... До свидания!

И юная незнакомка, развернувшись, быстро ретировалась к двери. И исчезла, словно боялась, что ее могут поймать.

Шонай ничего не понял, так и сидел на кровати, предельно озадаченный. Только разные мысли теснились в его голове. «Что это с ней, Творец-Создатель? С чего вдруг застеснялась и убежала? Кто она вообще-то? Либо студентка, которая искала Токтасына, чтобы зачет сдать, либо... Уж не надумал ли этот проклятый, не успеет развестись, заново жениться?»

Голова старика совсем пошла кругом от этих мыслей. А как еще можно объяснить приход незнакомой девушки? И ему вдруг вспомнилась нежная и легкая, как шелк, колышущаяся на ветру Айымжан, с которой он вчера вместе приехал в Алматы. «Эх, ежели ему уж до того невтерпеж снова жениться, то вот она бы ему подошла как раз. А эта с такими длинными, как у коня, ножками вряд ли сможет ему стать хорошей женой». Черт-те что в голову поутру лезет...

Усталость взяла свое, и Шонай вновь уснул. На сей раз спокойно и ровно, сон был оздоравливающий. А когда встал в обед, тут как раз и сын заявился.

– Приходила тут к тебе одна, – сказал отец, – с длинными, как у ахалтекинца, ногами, и спрашивала тебя.

– А-а... – равнодушно отозвался Токтасын и неопределенно махнул рукой. Затем надел фартук, закатал рукава и направился на кухню готовить обед.

– А кто она такая? – всё же полюбопытствовал отец, прочистив горло.

– Да моя студентка... По делу, видно, заходила...

Кухня наполнялась чадом, сын что-то жарил, стараясь угостить отца, как мог. За обедом Шонай продолжил свои расспросы:

– Итак, ответь мне напрямик. Разводы бывают разными. У тебя какого вида развод? Тот, который можно уладить миром, или же такой, что окончательно и бесповоротно?

Помедлив, Токтасын, сказал:

– Этот окончательный. Через суд. И дело на том закрыто. Всё, точка.

Шонай сидел как в воду опущенный. А Токтасын впервые видел отца таким беспомощным и несчастным. Ему стало жалко по-сиротски обиженного родного старика. Ну, что теперь поделаешь... Он не хотел разрушать семью... Так уж вышло. Просто характер у жены оказался слишком скверный, упрямый. Да и у него самого молодецкая кровь взыграла, бес попутал. Вернее, ведьмочка одна. Словом, нашла коса на камень, как говорится в русской поговорке. Да пропади оно всё пропадом! Что бы там ни было, то прошло – и ушло. А от зарвавшейся жены – избавился.

Спустя некоторое время Шонай, будто невзначай, произнес:

– В поезде я ехал вместе с дочерью старика Улмана, которая здесь учится. Да ты ее знаешь. Это Айымжан. Ох, какой же она стала славной, как красива, точно цветок! Долгих лет ей жизни.

Сказал это с каким-то потайным смыслом, намеком. Токтасын промолчал. Его смуглое лицо цвета спичечной головки оставалось таким же мрачным, как и было. Шонай продолжал пить чай. Выпил больше, чем обычно, так как у него сильно болела голова.

После обеда сын вручил отцу запасные ключи от квартиры, а сам вновь ушел на работу. Старик развязал корзин, вытащил мешочек с альчиками, положил его в просторный нагрудный карман своего камзола, запер входную дверь и вышел на улицу. Нашел остановку такси, подошел к выстроившимся в ряд машинам и открыл дверцу первой из них. Знал, что если дать денег, то тебя и отвезут куда надо.

– Куда? – зевая, спросил таксист.

– В казахскую школу, сынок.

– Их, ата, в этом городе много.

– Ну-у... – подумав, ответил старик, – в ту, где учат в первом классе.

– Хм-м... – шофер задумался. – Ладно, садитесь.

Сын не сообщил отцу новый адрес снохи. Поэтому Шонай подумал и решил, что найдет внука в школе. А вот в какой? Задача не из легких.

Кружили они по городу, потом остановились возле одной из школ.

– Восемь рублей нащелкало, – сказал шофер.

Шонай решил, что тот вполне заработал такую сумму и в порыве щедрости дал ему десятку. Время было послеполуденное. Во дворе школы бегала целая куча смуглых детишек, гоняли туда-сюда мяч. Старик очутился прямо в их гуще.

Некоторые курносые малыши кричали ему:

– Здравствуйте, ата! – и, смеясь, пробежали мимо.

А Шонай, довольный, кричал им вслед:

– Здравствуй и ты, родной! И ты тоже здравствуй!

А сам внимательно всматривался в их лица, оборачивался, искал Едиге.

Наконец ухватил одного мальчугана, спросил:

– Сынок, погоди, не спеши, ответь: есть здесь дети, которые учатся в первом классе?

– Есть!

– Знаешь Шонаява Едиге?

– Нет!

Тут одна девочка постарше возрастом решила ему помочь, вошла в его безвыходное положение. Взяла его за руку и, как маленького, повела прямо в первый класс. А урок должен был вот-вот начаться.

Учительница в классе оказалась женщиной в возрасте, с посеребренными волосами и спокойным, степенным голосом. На прямой вопрос старика она ответила:

– Нет, ата, такого мальчика у нас не было.

– Ну, в таком случае, есть ли где-нибудь поблизости другая казахская школа?

– Как же, есть. По этой же улице Кирова, ата. Тут недалеко.

Шонай выбрался из школы, стал спрашивать у прохожих дорогу. Вскоре нашел. Там этих первых классов оказалось несколько. Так ему объяснил один мальчик.

– Ваш внук в каком учится? В «А», «Б»? А есть еще «В», и «Г», и «Д».

– Точно не знаю. Фамилия его Шонаяв. Зовут Едиге. Он такой рыженький, полненький, с пухлыми щечками, похожий на своих родственников по матери.

Мальчуган лишь руками развел. Шонай нашел учительницу, у которой уже начинался урок, она отправила его к другой, та – к третьей. Так старик блуждал по коридору из класса в класс. Всё без толку. Малышня при виде его, когда он бесцеремонно открывал дверь и заглядывал в очередной класс, шумела на все голоса, словно ягнята, блеющие в загоне. Еще бы! Высокий аксакал в длинном чапане, полы которого волочатся следом, производил странное впечатление. Не до уроков тут.

Они кричали:

– Это Шопан-ата*! Здравствуйте!

А Шонай вмиг забывал об учительницах и всё внимание сосредотачивал на детях. Искал среди них Едиге, но всё безрезультатно. Пришлось покинуть и эту школу. Стал искать другие. Хорошо еще, что в городе было не так уж много казахских школ. Но он вынужден был снова взять такси, так сподручней. А уж если его завести, то не остановить. Задуманное дело выполнит до конца. Пусть хоть до самого вечера будет искать.

Таким образом он объехал школы на проспекте Ленина и на перекрестке улиц Байзакова и Габдуллина. Выяснилось, что и в них нет такого ученика. Пришлось возвращаться домой не солоно хлебавши. Пришел поздно, совершенно выбившись из сил. А сын даже не спросил у него, что же он целый день делал, чем занимался. Бессердечный какой. А Шонай и рассказывать не стал, лишь стреляя в него сердитыми взглядами. Но поскольку от усталости впал в

* Шопан-ата (миф.) – покровитель овец; изображался в виде старика в чапане и с посохом в руке

раздражение и вспыльчивость, еще и начал бранить Токтасына ни за что ни про что, пока не уснул.

На следующий день поиски продолжались. Деньги еще имелись, а такси свезет куда надо. На этот раз Шонай очутился в казахской школе, подведомственной железной дороге. Назойливый старик, ищущий Едиге Шонаява, поставил и тут всех «на уши». И опять напрасно. Не было внука, словно сквозь землю провалился. Ничего, разыщет и под землей.

Долго еще ездил старик по Алматы, оставалась одна школа, считай, последняя. Она, по расспросам, открылась совсем недавно и находилась в 6-м микрорайоне.

– Хорошо, проверим и ее, – сказал сам себе Шонай.

И отправился на такси туда. А пока ехал, думал: «Все-таки если она находится в этом городе, то ни за что не успокоюсь, пока не найду и ее тоже». А таксист, долгих лет ему жизни, попался сердечный, и хотя они раз сорок кружили в поисках школы, но всё же отыскали. Чуткий, отзывчивый водитель, получив хорошенькую сумму на руки, сам лично с особым рвением проводил Шоная в школу.

Как раз шли уроки. В коридоре ни души. Лишь из-за закрытых дверей доносились голоса детишек, словно ягнятки блеяли.

Таксист остановился возле одной из дверей, стал подсматривать в замочную скважину.

– Идет урок, – сказал он старику.

Затем тихонько постучал в дверь. Она открылась и оттуда показалась до-родная, рыжая, миловидная женщина. Поздоровалась по-казахски. Оказалась татаркой.

– Извините, – угодливо обратился к ней таксист, – вот этот аксакал ищет своего внука. Зовут мальчика Шонаяв Едиге.

– В этом году он должен был пойти в первый класс, – добавил старик. – Нет ли у вас такого?

– Шонаяв Едиге, говорите? – переспросила женщина. – Да-да, такой мальчик был...

Тут сердце старика взволнованно забилося. Как птичка в груди. Он смог только вымолвить:

– А?!

И всё, точно онемел или окаменел.

А учительница тут же продолжила:

– Но где-то около месяца назад мальчика отсюда забрала его мать.

Разгладившиеся было на лице старика морщины вновь стянулись в глубокие складки. Он едва лишь воскликнул:

– Ой, Аллах! – а затем весь скрючился, словно его пронзили копьём.

И медленно опустился на скамейку, стоявшую рядом.

Женщина от растерянности и испуга посмотрела на него, потом перевела взгляд на таксиста.

– Аксакал, у вас где-то что-то болит? – сочувственно спросил парень, склоняясь над ним.

Тем временем прозвенел звонок на перемену. Шонай постепенно приходил в себя. Когда он поднял голову, то увидел, что таксист что-то объясняет учитель-

нице. Лицо женщины было нахмурено, она молча покачивала головой. А по коридору уже бегали и галдели детишки, дождавшиеся переменки.

– Пойдемте на воздух, аксакал!

Учительница и таксист, поддерживая Шоная с обеих сторон, вывели его во двор школы. Там он немного отдышался.

– Ата! – сказала женщина. – Вы напрасно искали своего внука здесь. Мать Едиге решила отдать его в русскую школу. Сама мне о том заявила. Я не хотела с ним расставаться, он очень способный мальчик. Долго ее уговаривала, но – ни в какую.

– Ой, Аллах! Ой, Аллах! – только и повторял старик, без конца качая головой. – Кто мне подскажет, где его теперь найти? Отца и мать Едиге кто-то проклял, вот они и живут ныне порознь... А я, несчастный, мытарюсь между ними в поисках внука!..

Шоная умоляюще смотрел то на учительницу, то на таксиста.

Женщина предположила:

– Я думаю, его отдали в одну из ближайших школ. Потому что Едиге всегда приходил к нам как будто пешком. Да и новый дом его должен быть где-то неподалеку отсюда.

Таксист поддержал ее:

– Я уверен в этом. Ата, садитесь в машину, продолжим поиски.

Проехав две улицы, они затормозили возле еще одной школы.

Таксист сказал старику, чтобы он оставался в машине, а сам выбежал и вошел внутрь здания. Спустя некоторое время вышел оттуда, огорченно качая головой.

– Нет, – сказал он. – Я попросил посмотреть в классных журналах. Едиге в списках нет.

После этого старик решил отпустить участливого таксиста, а сам пошел пешком, обходя весь район, дом за домом. Он думал, что если будет просто ходить по улицам туда-сюда, то может ненароком встретить Едиге. А попутно останавливал каждого встречного-поперечного и расспрашивал. Всё безрезультатно. Но хоть названия улиц выучил. И бормотал себе под нос: «Ничего, найду... Он живет где-то поблизости, так сказала учительница... Не будете же вы всю жизнь отсиживаться в одном из этих домов с множеством окон, прятаться от меня, старого Шоная... Когда-нибудь же выйдете да и попадетесь мне на глаза... Найду, встречу...»

У него даже появилась твердая уверенность в этом. А огромное желание, как известно, рано или поздно обязательно материализуется. Так, по крайней мере, уверяют мудрецы. Но пока что никак не везло. И к вечеру он вернулся домой, уже совершенно обессиленный и разбитый. Пришел и сразу же рухнул на кровать. Даже не стал отвечать на вопросы сына о том, где же это он ходил весь день, куда подевался. Укрывшись с головой своим чапаном, он отвернулся к стене.

Поспав немного, Шоная встал и за вечерним чаем объяснил сыну, что весь день напролет ездил по школам в поисках Едиге, на что Токтасын с испугом воскликнул:

– Ну почему же, коке, вы у меня сразу не спросили, зачем нужно было понапрасну так изводить себя! Она ведь на следующий день после развода сменила фамилию! Сделала это для того, чтобы нас к нему не подпускали...

Токтасын удрученно опустил глаза вниз. Потом промолвил:

– Когда Едиге учился в прежней школе, я встречался с ним, но это было слишком тяжело и для него, и для меня... Поэтому я посчитал, что уж лучше будет совсем не видеться... Что поделаешь, коке!

На что отец твердо сказал:

– Пусть даже память сожжет, а не то что фамилию вычеркнет, – я всё равно не отступлюсь! Прах оставит, а я всё равно его найду.

Нервы Шоная не выдержали, он закипел и запустил пиалой, которую держал в руках, в сына. Чашка пролетела над головой Токтасына, ударилась о стенку и разбилась вдребезги.

После этого он перестал посвящать сына в свои поиски. Вообще не говорил, что он делает и чего хочет. Так прошло несколько дней. Потом недель. Вот уже и осень подходила к концу, выпал снег, а Шоная всё искал Едиге, обходя квартал за кварталом. На такси денег уже не было.

Бродил седой аксакал по Алматы, шлепал калошами по слякотным улицам, высматривал Едиге, бережно храня в кармане мешочек с альчиками. Что ему пройти десятки километров? В молодые да лихие годы он пешком спускался с плато Устюрт величиной в пять городов, а тут-то всего один город... Ничего. Даже полезно для здоровья.

По пути он расспрашивал прохожих, многих людей останавливал, у каждого интересовался. А хороших людей не счесть. Не осталось почти ни одной школы, в которую он бы не заходил. А когда слишком уж уставал, то доставал припрятанные заветные сомы*, которые держал на свои похороны, и транжирил их на такси.

Чаще всего Шоная бывал в том районе, о котором учительница сказала, что «Едиге должен жить где-то поблизости». Теперь он уже знал здесь каждый дом, каждый закоулок, двор. И всегда ощущал тут шемящую сердце радость, надежду на встречу, словно того и гляди выскочит вдруг из любого подъезда Едиге и закричит: «Ата!» И оба они обомлеют от неожиданного счастья...

Но, Боже, как много в этом городе детей! Глаз старика был наметан в поисках мальчишек приблизительно одного с Едиге возраста. Любой из них мог быть знаком с внуком, ежели учился с ним в одном классе. Вот Шоная и расспрашивал каждого, если удавалось. Дети не все могли ответить на заданный вопрос, с трудом выговаривали:

– Я... не знаю.

Сторонились и убегали. А Шоная убеждался в мудрости предков, изрекших: «За пятьдесят лет обновляется народ, а за сто – весь мир». И шел дальше, сутулясь всё больше и больше. Он чувствовал себя в толпе невысоких горожан, разодетых в разноцветные, до ряби в глазах, одежды, словно бельмо на глазу, чужим на этом «празднике жизни», наследием прошлого, которое если не сегодня, то завтра будет предано забвению.

Иногда встречались старики одного с ним возраста. Выслушивали его, качали головой, говорили на прощанье:

– Счастливого пути, глубокоуважаемый!

А по большому счету все они, люди преклонного возраста, лишь гости в этом густонаселенном городе с его многообразной и во многом необъяснимой жизнью. Так было, так будет. Во всем мире.

* Так в советское время на казахском назывался рубль.

Однажды в вечерний сумеречный день произошло следующее. На одной из улиц Шоной остановился на обочине, решив поймать такси и возвращаться домой. Устал. Машины проезжали мимо старика. Он вдруг подумал о том, что хорошо бы найти Айымжан, чтобы та помогла ему в поисках Едиге. Она ведь грамотная, добрая. Размышляя об этом, Шоной глядел на остановившийся автобус, похожий на кебеже* своими синими поперечными полосками. В него стали садиться пассажиры. Те, кто не успел втиснуться, прыгивали с подножки. Автобус натужно двинулся дальше. А взгляд Шоная упал на подъехавшее свободное такси. И тут он услышал детский крик:

– Ата-а! Ата-а!

Старик резко повернулся, огляделся по сторонам. Он узнал этот знакомый до боли голосок. И тут вдруг увидел наконец Едиге. Мальчонка кричал ему из отъезжающего автобуса, стуча обеими кулачками по заднему ветровому стеклу.

– Ата-а-а!!

О, сколько отчаяния было в этом крике! А автобус, подобно некой живой образине с сундукообразным животом, уносил внука, всё увеличивая скорость, пока не исчез за поворотом.

– Едиге! Стой! Эй! Едиге! Стой! – кричал Шоной что есть мочи, поспешая за автобусом.

Ветер раздувал полы его шубы. Прохожие расступались перед ним. А он несся вперед, уповая лишь на святого Барака-ата. Бежал, заклиная про себя: «О, поддержи меня! Не дай упасть! Помоги догнать!» Тут, на его счастье, полосатый автобус затормозил перед перекрестком. Шоной прибавил еще ходу, вознося славу Аллаху! Невольно из уст вырвалось:

– Эй, зеленая железяка, попадись мне только в руки!

Бежал и кричал:

– Едиге-е-е!.. Едиге-е-е!..

Голос срывался, хрипел, в ушах стоял сплошной шум и больше ничего. А весь огромный мир вокруг словно бы наполнился и сотрясался ответным криком маленького внука. Народ с удивлением оборачивался на бегущего по улице аксакала. Кто это? Уж не сумасшедший ли старик? Или одержим бесом? Некоторые просто испуганно шарахались в сторону. Другие в изумлении застывали на месте, как каменные изваяния. А пестро-зеленый автобус вновь тронулся с места на зеленый знак светофора. И расстояние между ним и стариком опять стало увеличиваться. А Шоной уже терял остатки последних сил. Он понял, что не догнать...

– Стой! – закричал старик, тужась и подняв на бегу свой посох.

И в то же мгновение ноги его скользнули по мерзлому стоптанному снегу, руки беспомощно разметались в стороны, и Шоной грохнулся всем телом на асфальт. Правой стороной сильно ударился то ли об лед, то ли о камень. Палка отлетела прочь. Рассыпались из мешочка и альчики. Но он уже не обращал на эту потерю внимания. Глаза его продолжали неотступно провожать удаляющийся автобус.

Собрав последние силы, Шоной начал подниматься с тротуара, но тут же снова упал навзничь. Правая нога больше ему не подчинялась. Из глаз брызнули слезы. От досады старик уперся обеими руками о землю. Всё теперь вокруг

* Деревянный сундук для хранения продуктов, посуды.

как-то затуманилось. Автобуса он больше не видел. Какой-то молодой парень нашел его палку, стал помогать подняться. Шонай, стиснув зубы, еле-еле встал, однако боль в пояснице была настолько сильна, что он застонал.

– Сможете идти, аксакал? – спросил парень.

Старик покачал головой. Закрыв глаза.

– Не трогайте его! – услышал он чей-то голос. – Кажется, у него перелом таза. Надо вызвать врача.

– Верно, правильно! – послышалось вокруг.

– Позвоните в скорую помощь! Быстрее!

Столпившиеся люди громко переговаривались. Шоная бережно уложили на край тротуара. Его губы беззвучно шевелились. Глаза были по-прежнему закрыты. Он не хотел больше смотреть на этот мир.

– Он что-то говорит. Тише! – сказал кто-то из людей.

Другой человек склонился над ним и подставил ухо, пытаясь разобрать слова. А Шонай тихо шептал: «Ух, какая досада...» Но разве могли они услышать голос стонущего и умирающего старика, когда туда-сюда с ревом проносились машины? А тишины не было. Она наступит потом.

Перевод Романа Токбергенова.

